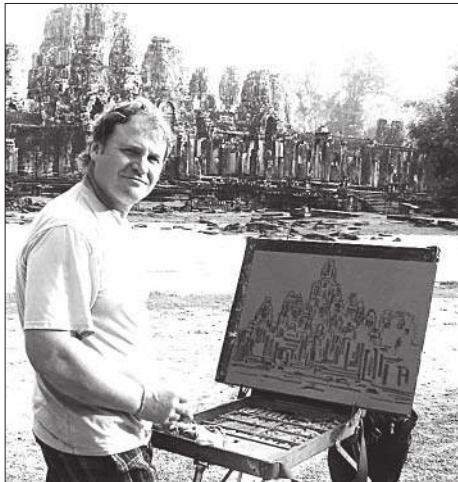

Районный центр Казачинское — в двух сотнях километров на север от Красноярска по Енисейскому тракту, самое большое село, которое тянется на добрый десяток километров вдоль Енисея. Сюда более трёх десятков лет назад приехал молодой выпускник Красноярского художественного училища имени Сурикова Арсений Милованов и стал директором детской школы искусств. Шесть лет учил местных ребятишек живописи, но, поняв, что педагогическая деятельность и творчество для него несовместимы, стал заниматься только живописью. К тому времени художник уже активно участвовал во многих межрайонных и краевых выставках, был принят в Союз художников России.

«Я не представляю себя художником, живущим в городе и пишущим свои картины в мастерской по эскизам или фотографиям. Знаю, что многие великие мастера живописи создавали свои шедевры в мастерских, но у меня так не получается, за исключением разве что портрета, и не потому, что хочу выделиться или быть оригинальным,— я люблю писать с натуры: зачем фантазировать, если природа создала всё идеально и ничего лучшего не придумаешь? Может быть, поэтому так долго живу в глубинке, в селе, где каждый выход с этюдником до ближайшего лесочка или обрыва у реки — уже отличный пленэр. И не важно, какая погода, какое время года на дворе».

...А на дворе был февраль, и мы с Арсением след в след шли по глубокому снегу по протоке Енисея посмотреть, как местные любители зимней рыбалки насторожили в прорубях то ли корчажки, то ли какие другие орудия лова: под щербатым слоем льда трудно было разглядеть, что там, в тёмной воде,— на поверхности был закреплён только толстый провод. Я слушала Арсения и не переставала удивляться тому, как увлечённо он рассказывает о реке, об этой протоке, о лесах вокруг Казачинского, как этот уже достаточно взрослый мужчина, многодетный отец, вдруг останавливается на узкой тропке, смотрит на западную часть неба и с детской непосредственностью изумляется: «Какое солнце, какие облака, а я этюдник с собой не взял!» Не думаю, что художник никогда не наблюдал такого явления, но

Арсений Милованов за работой

лыжне вдоль протоки, в берёзке, судорожно цепляющейся корнями за кромку обрыва, в полуразрушенном заборе у дома, в рыбаке, застывшем у воды в неловкой позе и едва различимом в предрассветной дымке... Все эти акварели, пастели и масляные на холсте пейзажи мне показал Арсений после прогулки по селу, и я узнавала некоторые места, радостно восклицая: у этой изгороди мы останавливались в тупике улочки Берёзовой, верно? А мимо этой берёзки с раздвоенным стволом спускались к протоке: одна половина ствола резко, под углом градусов в сорок, наклонилась влево, едва не касаясь ветками земли, другая — только чуть-чуть, словно сопротивляясь, подалась в сторону, всем своим существом стремясь соединиться с близняшкой. «Куда ты, сестрица?» — так называется эта лирическая повесть, выполненная художником в технике пастели. Много лет Арсений Милованов считал себя художником-акварелистом: первые его пейзажи, сделанные в Хакасии (куда его, пятнадцатилетнего, к друзьям в археологическую экспедицию определил отец, тоже художник, иконописец), небольшие по размеру, вдохновенно передают чудную природу и колорит хакасских степей.

Здесь, в Казачинском, он увлёкся масляной живописью: выходил из дома с этюдником и писал пейзажи; зимой краски подмерзли в самый неподходящий момент, когда уже удалось

это состояние природы, которое уловил он и которое с удивлением пыталась постичь я, эти неестественные, казалось бы, для зимы краски — оранжевые, розовые, сиреневые — на невыразимо голубом небе, видимо, и есть то волшебство, что рождает Вдохновение.

Богом отмечен человек, если он видит прекрасное там, мимо чего равнодушно проходят многие другие, — в неровной

ловить состояние природы — осталось только остановить мгновение, запечатлеть... И как-то незаметно для себя и ценителей его творчества художник овладел техникой пастели. На мой непрофессиональный взгляд, эти работы Арсения — самые лиричные, самые чистые, самые светлые... Сажу в кресле-качалке и смотрю на противоположную стену, где на рейках закреплены листы с недавно законченными пастелями. Слева льётся удивительно щедрый для начала февраля солнечный свет — краски на пейзажах играют, красота божественная, словно это окно в живой мир — до того правдоподобны изображения. А вот целая серия этюдов маслом, выполненных лессировкой, — итог двухнедельной практики студента Суриковского училища Арсения Милованова в Енисейске. Знакомые для меня улицы, старинные дома с резными карнизами и оконными наличниками, силуэты монастырей и храмов, которые не обошёл своим вниманием ни один заезжий художник или фотограф. Ловлю себя на том, что мой живописец писал почти все этюды не в том ракурсе, к коему я привыкла: уже тогда, в юности, он смотрел на природу только ему одному присущим взглядом.

Мой же взгляд останавливается на пастели, ничем не выделяющейся: на заднем плане — село, тёмные крыши изб, сараев, ближе — огороды с дощатыми неровными заборами, силуэты деревьев... Но главное — не эти детали. На переднем плане — три тёмно-серых бревна, лежащих почти рядом. Это даже не брёвна, а высохшие под солнцем и ветром стволы крупных деревьев, спиленных ещё при расширении огородов: сучья не срублены, а просто со временем обломаны, возможно, лет двадцать-тридцать назад. Стволы высохли, почернели, покрылись глубокими трещинами... Но могучая сила чувствуется даже в мёртвых телах. «Три спящих богатыря», — вслух произнесла я и подняла глаза на вошедшего в мастерскую художника. «Три богатыря? — поймав мой взгляд, повторил Арсений. — А я никак не мог найти название к этой работе».

И коли речь зашла о названиях картин, не могу умолчать, что художник придаёт этому большое значение. Тонко чувствующий слово, пишущий удивительно пронзительные лирические стихи, он названием как бы определяет судьбу своей работе. Вспомнил случай: готовил персональную выставку и никак не мог придумать название к одной, как ему казалось, не очень выразительной акварели. И в последний момент название пришло: «В сумерках пробежала мышь...» В выставочном

зале у этой картины толпились зрители (видимо, искали мышь, шутит Арсений), её купили в первый же день, а в книге отзывов наряду с другими отметили и эту работу. Вот такая история с «серой» акварелью с загадочным названием.

Уже довольно зрелым художником Арсений Милованов основательно пришёл к масляной живописи, заново открывая её тайны и прелести. Какие удивительные по сюжету и колориту пейзажи написаны им в этой технике! Целая оранжерея цветов — букеты жарков, черёмухи, сирени, лесных гвоздик, полевого разнотравья могут украсить не одну персональную или сборную тематическую выставку. И даже маслом на холсте мастер всё равно пишет на природе, уходя с этюдником за околицу...

Убеждена, что односельчане не до конца понимают, что Арсений Милованов — на редкость талантливый художник. «Лицом к лицу лица не увидать — большое видится на расстоянии...» Так и в этом случае: живёт рядом человек, с которым в один детский сад или школу детей водят, в одни магазины за продуктами ходят, в одном лесу грибы собирают, и если человек этот заметный, не такой, как остальные, то всем обществом его личная жизнь обсуждается. Тем более — Арсений Милованов! Сын Иван от первого брака — тоже художник, во всём отца поддерживает, помогает выставки организовывать. А во втором браке у художника Милованова и его супруги Надежды четверо детей — все, как отец, кудрявые, рыжеватые, творческие... Кто знает, может, через двадцать, а то и пятнадцать лет казачинцы вдруг поймут, что их село Господь отметил ещё и тем, что поселил по соседству большого художника.

P.S. Как же быстро летит время... Моя первая встреча с Арсением Петровичем произошла почти пятнадцать лет назад. За эти годы я побывала на десятках его выставок, не уставая изумляться и восхищаться энергией и разносторонними талантами этого на редкость удивительного человека — живописца, музыканта, поэта, страстного путешественника и автора путевых заметок...

Казалось бы, вот совсем недавно (а на самом деле уже четыре года прошло) Арсений вернулся из Алжира, куда его пригласил африканский друг, и привёз целую серию зарисовок, этюдов, готовых картин и фотоснимков. Богатая палитра его живописных и графических работ впечатляет: тёмно-синее каменное

побережье, скромные поселения местных жителей, и вдруг обычный пустынный пейзаж — жёлтые песчаные барханы, силуэты верблюдов. «Алжирский пленник» — так назвал Арсений организованную им выставку живописных работ и «прокатил» её по всем крупным выставочным залам Красноярского края.

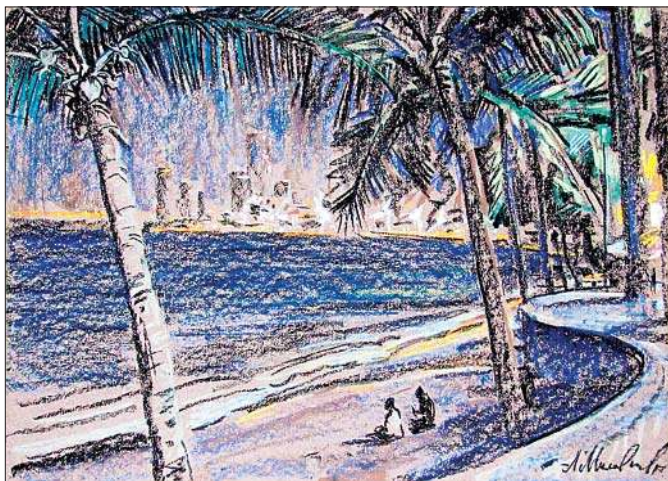
Минувшей осенью по инициативе Иркутской арт-студии DIAS для членов Союза художников России был организован арт-пленэр в страны Юго-Восточной Азии. Не оставила равнодушным художника Милованова экзотика Камбоджи, Вьетнама, Таиланда... Сотни пастельных работ пополнили коллекцию живописца. Его выставку «В объятиях Вечности» в красноярском Доме художника, где размещены сорок две работы, я, конечно, не могла пропустить... И с трудом вырвалась из этих объятий Вечности, из этого очарования. А творец же неустанно изводит себя совсем не творческой, а рутинной подготовкой выставок (в эти дни он готовит открытие выставки у себя на родине — в Новосибирске). Судя по отзывам, земляки охотно знакомятся с новыми работами живописца-трудоголика. Между делом — переездами, открытиями выставок, работой за этюдником — Арсений Милованов готовится к новому путешествию — в Антарктиду: проводит в Интернете акции по продаже своих картин, принимает пожертвования от почитателей его таланта, — короче, собирает необходимую для поездки сумму. Суровая Антарктида, надеюсь, дождётся горячего сибирского парня!

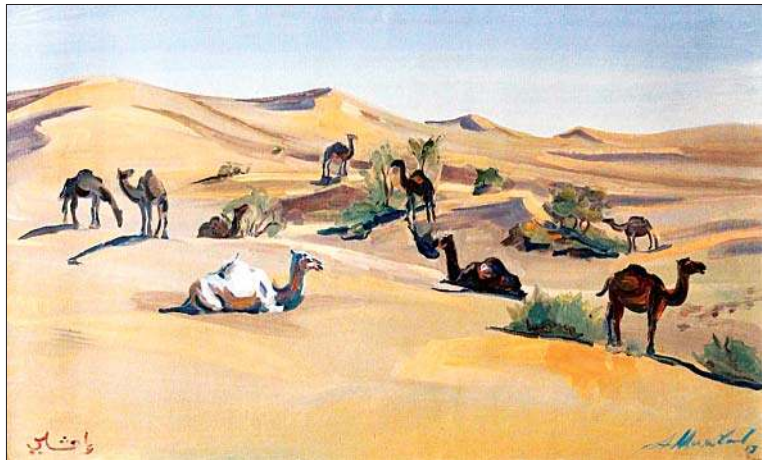

А. Милованов

**Из серии картин «В объятиях Вечности», написанных
в Юго-Восточной Азии. 2017**

Из серии картин «Алжирский пленник». 2013

